[П/П:слова из латинского рождественского гимна «Veni, Veni, Emmanuel», 1710 год.]

Простирающаяся перед ним сцена была заполнена лазурным цветом, созданным бесчисленными синими бабочками. Они расправили свои металлические крылья цвета лазурита, который покрывал всё видимое для глаз поле. Они были похожи на подёнки и, подобно Адмиралам, крылья этих машин Легиона служили в качестве солнечных батарей. Генераторный тип – Нимфалиды*.

[П/П:семейство бабочек.]

Калейдоскоп механических бабочек выглядел так, словно фрагменты неба замёрзли и рассыпались. Их тела держались в темноте раннего рассвета, но внезапно расправив свои крылья, все они тут же улетели, будто спасаясь от белого металлического паука, вторгнувшегося на их территорию. Бесчисленное количество орудийных стволов были воткнуты в землю, делая их похожими на надгробия: вероятно, это были остатки предыдущих битв. Осколки лазурита трепыхались в воздухе, словно лепестки цветов.

На другом конце этого поля, возвышаясь на железнодорожных путях, стоял похожий на злого дракона из легенд боевой механизм Легиона. Он обладал длинным, зловещим телом, на спине которого находился ствол пушки размером более тридцати метров. Величайшее оружие, что было применено в последней войне против человечества. Подобное рельсовое артиллерийское орудие можно было описать лишь словом – величественное.

Его чёрная модульная броня была похожа на чешую дракона, а направляющие ствола казались двумя копьями, повёрнутыми к небу. На месте его головы находился синий оптический сенсор, свечение которого походило на зловещий блуждающий огонёк. Шесть стволов орудия с малым радиусом действия – 40-мм шестиствольная вращающаяся автоматическая пушка – искажались в дымке, вызванной нагревом от предыдущих выстрелов.

Превратив в гнома даже Динозавра, самого большого агрегата Легиона на массовом производстве, огромная бабочка, высота которой достигала 110 метров, а длина – 40 метров, возвышалась в утреннем небе. Ее крылья, которые словно были сотканы из серебряных нитей, – возможно, специальный реагент для охлаждения, – выпрыскивали в небеса что-то похожее на звёздную пыль.

Морфо.

В тот момент, как Могильщик выпрыгнул из-под холма, оптический сенсор и пушка «Вулкан» тут же зафиксировались на нём. Скорее всего, он находился в осаде даже с учётом пропажи сигнала Могильщика, поэтому его движения были быстрыми и эффективными.

Только вот этого всё равно было недостаточно.

Могильщик вновь прыгнул и внезапно остановился в тот момент, когда приземлился на землю.

Прочный привод, разработанный специально для высокоманёвренного боя, заскрипел. «Вулкан», направленный в то место, куда он должен был начать двигаться, не смог вовремя отреагировать на такую внезапную остановку.

В тот момент, когда их взгляды пересеклись, Шин уже прицелился на него с помощью Могильщика и нажал на спусковой триггер 88-мм пушки.

†

«Эти движения!..»

На другом конце синего свечения, испускаемого Нимфалидами, Кирия столкнулся с вражеским элементом, обладавшим ловкостью хищника во время охоты. Он был ошеломлён. Враг прыгнул назад по диагонали и, сделав сальто, приземлился, тут же изменив направление движения. Затем, после ещё одного прыжка, он резко остановился.

Даже Кирия, всю жизнь пилотирующий эксклюзивный фредрес своей семьи, будучи выходцем из семьи воинов, не мог поверить в то, что за подобными смертельно-опасными манёврами стоит человек. Несмотря на все эти движения, 88-мм пушка оставалась зафиксирована на нём.

Деформированный фредрес двигался подобно молнии, словно белый кошмар наяву, словно скелет, находящийся в поисках своей головы. На обшивке виднелась персональная метка – безголовый скелет с лопатой в руках.

«О!»

Безумный экстаз смешивался с его холодными мыслями, а где-то недалеко от этого был признак облегчения.

□

«У тебя вышло. Ты действительно достоин того, чтобы предстать передо мной. Впрочем, меньшего я и не ожидал.»

Кирия чувствовал, как он потянул за спусковой триггер. Они были разделены двумя слоями брони и расстоянием в три тысячи метров, но Кирия отчётливо ощутил этот момент.

«В ином случае было бы не так интересно.»

†

— …Всё ещё далековато, — прошептал про себя Шин, уставившись на чёрный дым, исходящий от одного из модулей брони Морфо.

Выстрел не пробил её полностью. К тому же, в результате выделилось очень много чёрного дыма.

Динамическая защита. Это уникальный тип брони, реагирующий на взрыв противотанковой боеголовки, в ответ взрывая взрывчатое вещество, находящиеся на поверхности брони, и используя его для рассеивания кумулятивной струи, чтобы предотвратить проникновение снаряда.

Легион ценил Морфо. Они игнорировали ортодоксальную теорию, гласившую, что артиллерия должна иметь достаточно толстую броню, которая должна была отразить осколки от снарядов, вместо этого снабдив её тяжёлой бронёй на тот случай, если она будет подвергнута разрушительной атаке.

В таком случае противотанковые боеголовки не подходили для подобной задачи. Это, в свою очередь, означало, что высокоскоростные бронебойные не окажут нужного воздействия при своей обычной эффективной дальности.

Но всё равно… Здесь всё равно не было различий от того, как он сталкивался лицом к лицу со Львами и Динозаврами в ходячем алюминиевом гробу.

Взгляд противника сверлил его. Он повернул своё массивное тело – слишком тяжёлое для передвижения вне рельс – в его сторону, и в то же время шесть его автоматических пушек уставились на него, словно у них была своя воля.

Вот-вот должны были последовать выстрелы. Он маневрировал своим телом так свободно, словно даже не обдумывал действия лишний раз у себя в мыслях. Сразу же после этого последовала дульная вспышка, и по земле с правой стороны от Могильщика ударили пулемётные выстрелы. Мельком взглянув на Морфо, который повторил процедуру, Могильщик уклонился от второго залпа, и, когда третий залп погнался за ним по пятам, прыгнул в сторону.

Шестиствольная пушка «Вулкан» вращала своими стволами в момент выстрелов. Хотя она и была способна на тяжёлый заградительный огонь, количество пуль быстро уменьшалось, а сама пушка легко перегревалась. Другими словами, она не могла поддерживать подобный темп стрельбы долго. Могильщик продвигался вперёд, используя эти кратковременные паузы, с помощью различных небольших прерывистых прыжков и аварийного тормоза, что выглядело довольно поразительно.

Спокойные алые глаза Шина не показывали признаки колебаний даже тогда, когда громоподобный рёв пушек эхом проносился мимо, а свист летящих снарядов разрывал его барабанные перепонки. Внутри просто отражался мягкий свет от голографических экранов, которые испускали постоянное, искусственное свечение.

Республика выгнала «восемьдесят шесть» на поле боя. Полученный ими в тех боях опыт сформировал из них легко адаптирующихся, гипер-эффективных, закалённых в боях воинов… пусть и со своими уникальными заморочками. В разгар боя любое подобие человечности у этих детей было сильно ослаблено. Ироничным здесь являлось то, что они становились такими же бесчувственными машинами, что и Легион. Варианта «бояться своего противника» просто не существовало. Особенно это было верно для Шина, который специализировался на ближнем бое в авангарде.

Чтобы проскользнуть сквозь лезвия своих врагов и уклониться от града пуль, Шину требовалось предельная концентрация, что заставляло терять его абсолютно всю человечность. Он подавил внутри себя все конфликты, свою боль и сожаления вместе с другими бесполезными мыслями, похоронив их глубоко в своём сознании. «Так будет легче», – шептал голос из его оледеневшего сердца. В этом случае он не будет думать о чём-то бессмысленном в разгар битвы.

Он мог забыть всё и обо всех.

Для него это было ужасающе… легко.

Какая-то часть его поняла причину безумия стоящего перед ним рыцаря, чьего лица он никогда не видел… Этот призрак обезумел от войны и резни.

Насколько же легко стать… таким же?

Последовало ещё одно затишье, и Шин сменил линию огня. Морфо на мгновение остановил стрельбу для того, чтобы остудить пулемёты, и Шин в этот момент перевёл взгляд на левую заднюю автоматическую пушку. Система Джаггернаута проследила за его взглядом и зафиксировалась на ней, после чего, когда прицел стал красным, запустился спусковой триггер. Неважно, насколько прочной была броня Морфо, его автоматические пушки не могли быть дополнительно укреплены.

Попав противотанковой боеголовкой в механический отсек, «Вулкан» сразу же исчез. Взметнулось чёрное пламя, и по бледному небу пронеслась молния. Стая Нимфалид взлетела в воздух, словно от испуга, а Могильщик помчался сквозь синеву и пламя.

Оставшееся расстояние – две тысячи метров. Противник находился в радиусе действия его основного вооружения, 88-мм пушки. На таком расстоянии сражение ничем не отличалось от столкновения с Львами и Динозаврами. Тот факт, что зафиксированная цель не могла сбить прицел, был верен как для пушки Могильщика, стреляющей снарядами с начальной скоростью в 1.600 метров в секунду, так и для Морфо с начальной скоростью снаряда в 8.000 метров в секунду.

И когда он подобрался так близко, пушка «Вулкан» более не могла распространять свой огонь. Морфо не обладал столь разрушительной мобильностью, как Львы. Абсурдный размер его орудий, которыми он так гордился, делал из него лёгкую мишень.

Уклоняясь от постоянного заградительного огня, Шин приблизился к нему с левой стороны. У Морфо имелось по три пушки с каждой стороны, но приблизившись к одной из них, его собственный массивный корпус просто не позволял пушкам с противоположной стороны стрелять по цели. Когда половина его автоматических пушек была заблокирована, ему нужно было увеличить скорость вращения турелей для поддержания того же темпа стрельбы. Одна из пушек, вероятно, исчерпав все пули, остановила огонь, а другая перегрелась, взорвавшись и образовав клубы чёрного дыма.

Расстояние – тысяча метров.

†

Даже учитывая ведьмину кровь, что текла в его венах, он действительно был достоин называться наследником рода Ноузенов… Последним в их роду. Смотря за тем, как белый фредрес пользовался преимуществом кратковременных пауз для того, чтобы проскользнуть сквозь практически непрекращающийся шквал из сотен выстрелов в секунду, Кирия просто не мог не восхититься.

Танцующее на лезвии хладнокровие, что отделяло жизнь от смерти. Хитрость, позволившая ему заблокировать орудия Кирии. Ко всему прочему, он не подавал даже намёка на страх, который бы омрачил его действия. Будь он в Империи, вместе с ним, стоя на одной стороне с императрицей, его родина, возможно, осталась бы такой же блестящей, как и во времена их предков.

Стратегическое решение по захвату и использовании подобной мощи, поместив его в командующую единицу, мимолётно прокралось в его сознание, однако Кирия лишь усмехнулся. Захватить цель живой было гораздо труднее, чем похоронить её, учитывая, что его противник был настолько грозным.

Расстояние между ними составляло 1.012 метров. Он приблизился к нему ещё ближе. Его суждение было верным: 88-мм пушка, которая была меньше стандартной 120-мм, была не способна пробить его броню на таком расстоянии. И даже так, он всё равно столь безрассудно приближался к нему… «Словно он мчится навстречу своей смерти». Это была уже не храбрость, а безрассудство.

†

Сидя внутри контейнера Файда, спрятанного за большим холмом, Фредерика наблюдала за сражением с помощью своей способности. Когда она ещё находилась в крепости бывшей Империи, то множество раз видела сражения имперской стражи, а также, помимо Кирии, и других членов клана Ноузенов. Но Шин, даже по сравнению с ними, был исключением из правил.

Скрытая отвага, передавшаяся ему от своей родословной, а также талант, с которым он родился. Пять лет сражения со смертью отточили его навыки, превратив его в одного из самых

искусных воинов в истории его клана, если вообще не сильнейшего из всех. И даже будь Кирия всё ещё жив, даже учитывая разницу в четыре года между ними, Шин, вероятно, всё равно был бы лучше.

Но Кирия уже не был человеком. Он стал оружием, оснащённым 800-мм стволом с дальностью выстрела на 400 км, пушкой «Вулкан» и бронёй, которая толще, чем у Джаггернаута. И для Могильщика, специализирующегося на ближнем бою, подобный противник был самым худшим из возможных.

Могильщик сократил расстояние между ними, буквально проскользнув сквозь непрерывный огонь. Всего одна ошибка, всего один неверный манёвр решил бы исход дуэли. Лишь наблюдая за этим, её сердце сжалось от беспокойства.

— …Пи.

Нервно покачнувшись, контейнер Файда откликнулся на это действие и также задребезжал. Возможно, верный падальщик прямо сейчас хотел рвануться и помочь своему хозяину, что лицом к лицу противостоял металлическому дракону. Возможно, ему хотелось подставиться под вражеский огонь и послужить в роли отвлекающего манёвра, чтобы создать возможность для атаки. Однако единственное, что удерживало Файда от подобного, была безопасность Фредерики. Его единственный хозяин приказал ему вернуть её в Союз, несмотря ни на что.

— …Прости меня.

— Пи.

Она не могла не улыбнуться из-за того, что его реакция напоминала послушную собачку. Затем она вновь сфокусировала свои «глаза». Она должна была увидеть всё до конца.

И в этот момент она кое-что поняла.

Рыцари клана Ноузенов пилотировали особые фредресы, которые отличались от Ванаргандов. Их даже настраивали с учётом индивидуальных особенностей пилотов. При этом, высокоскоростной легкобронированный Регинлейв сильно отличался от фредресов бывшей Империи и Союза, где сосредотачивались на тяжёлой броне… и высокой огневой мощи.

Подобное было верно и для уникальной модели, пилотом которой был Кирия. У него была толстая композитная броня, тяжёлая 120-мм танковая башня, а также массивный корпус вместе с двигательной установкой для их поддержки. Боевой стиль Кирии был основан на использовании этого тяжёлого корпуса с его мощными силовыми установками, и позволял с лёгкостью растоптать своих противников.

Она вдруг вспомнила, что говорил парень, умерший в тот же день, что и повстречала –

товарища Шина.

«Ты знаешь, как Шин получил свои знаменитые «ноль баллов» на тесте?»

«На строевых занятиях по боевой подготовке, во время пилотирования Ванарганда Шин заставил его прыгнуть. Это было слишком опасно, вот его сразу и дисквалифицировали»

Хотя это действительно считалось удивительным, но Фредерика не удивилась, услышав об этом. Потому что она уже знала человека, который был способен на это…

Она невольно наклонилась вперёд, пытаясь сфокусировать свой мысленный взгляд на фигуре Кирии. Толстая броня, способная заблокировать выстрелы из 88-мм пушки. Массивная 800-мм пушка. Удлинённый корпус для поддержки был похож на тело дракона. Огромное тело, для передвижения которого необходимы были железнодорожные пути.

И всё же.

Этот Кирия всё ещё был способен на один трюк!..

— …Шин’эй, нет!..

У длинного ствола пушки действительно существовал недостаток в случае, если противник оказывался на одной из сторон. Конечно, легче сказать, чем сделать, но… В большинстве своём, дальнобойное орудие требовало плату в виде подвижности главного ствола. Но данная артиллерийская установка обладала совершенно противоположным свойством. И даже если бы не обладала, Кирия никогда бы не позволил противнику воспользоваться этой слабостью…

— Ты не должен так беспечно приближаться к нему!.. Кирия изначально был оператором, специализирующийся на ближнем бое! Прямо как и ты!

□

Гигантский дракон начал танцевать. Его бесчисленные ноги, похожие на пики, ударяли железнодорожные пути, поднимая одну массивную сторону высоко в воздух, подобно змее, которая поднимала голову. Достигнув зенита, он изогнулся и начал падать вниз на рельсы.

Разбитая острыми когтями и потрёпанная огромным весом, основа рельс просто развалилась. Он уничтожил собственное средство для передвижения. Несколько слоёв взрывчатых модулей скатились с его брони. Его тяжеленая артиллерийская пушка, не предназначенная для таких манёвров, вероятно, также имела внутренние повреждения.

Но взамен…

…Три невредимых зенитных орудия были повёрнуты в сторону Могильщика.

— Чт-?

Когда Шин почувствовал линию огня, точно нацеленную на Могильщика, время будто остановилось. Он оказался прямо в центре прицела. Куда бы он не попытался двинуться, уклониться было невозможно.

Словно для уверенности, 800-мм ствол, остававшийся до сих пор неподвижным, повернулся в его направлении. У основания стало потрескивать электричество, показывая, что для выстрела всё было готово. В кромешной тьме по другую сторону ствола Шин услышал так знакомые ему голоса агонии и ненависти…

— Шин! Назад!

В следующее мгновение что-то внезапно ударило прямо по поверхности ствола Морфо. Сработал взрыватель и прогремел взрыв. Пушка массивного зверя пошатнулась, после чего на неё обрушился новый залп из автоматической пушки. Используя оставшиеся ноги на левой стороне и забравшись с помощью якоря на холм, Оборотень начал стрелять. Сознание Морфо переключилось на него.

«Прочь отсюда, помеха»

Появившаяся раздражённость была практически осязаема. Пока пули рикошетили от тела, тяжёлое главное вооружение, механизмы которого зловеще ревели, Морфо повернулось в сторону Оборотня. Как только прицел был зафиксирован, произошёл выстрел, за которым последовал, скорее, не рёв, а ударная волна. После прямого попадания Оборотень был сброшен с холма. Шин не мог сказать, успел ли Райден вовремя уйти или нет.

В тот самый миг, когда прицел пушек сбился, Могильщику удалось выйти из-под линии огня «Вулкана», но три пулемёта вновь вернулись на место и начали отслеживать его движения. Учитывая восемнадцать стволов автоматических пушек и одного дугового заряда на хвосте, Шин вынужден был постоянно отступать. Такова была система управления оружия Морфо. Как только он захватывал цель, его зенитные пулемёты постоянно отслеживали движения и целились в противника, пока, конечно, их радиус действия это позволял.

Расстояние между ними вновь было увеличено до тысячи метров. Три его пулемёта и главное вооружение оставались нетронутыми.

Это…

Ледяная улыбка проявилась на губах Шина.

Это ведь… может быть шах и мат.

Но в противовес пришедшей в его голову мысли, оледеневшие глаза Шина оценивали ситуацию, суетливо нащупывая путь к наступлению, а его боевые инстинкты пробудились на полную. Пулемёты вновь пришли в движения, периодически останавливаясь на короткий миг для остывания стволов.

В тот момент, пока он сражался, будто танцуя на тонком льду, в тот самый момент, казавшийся вечностью… Прямо тогда, когда он уже приготовился стрелять…

□

Внезапно…

К парарейду подключился человек.

†

Рейд-устройство Союза было разработано на основе данных искусственной нервной системы, взятых из модели ушного каффа, имплантированного в тело Шина и его друзей. Их настройки связи, конечно, были стёрты в тот момент, когда военные Республики удалили все записи о них, но восстановить потерянные записи не составило труда.

И эти самые восстановленные настройки были тайно установлены в рейд-устройства «восемьдесят шесть» по возникшей игривости у исследователей. Как бы то ни было, вряд ли Республике взбрело бы в голову снова синхронизироваться с ними, поэтому никто даже не заметит, что они были живы. Это была обычная шутка, сделанная в честь разработчиков этого устройства.

Но настройки – это всё же настройки. При правильных условиях они будут работать именно так, как и задумывалось.

Например, в ситуации, когда кто-то установил бы в качестве цели для синхронизации всех возможных «приёмников» в нужном диапазоне, то синхронизация бы успешно активировалась…

†

— Всем Джаггернаутам вдоль крепостных стен!

Шин не смог узнать владельца голоса. Его рейд-устройство было разработано по-другому, поэтому голос, который в обычных условиях должен был звучать чисто и ясно, сейчас

потрескивал от статики и шума.

— Направление 120, дистанция – 8.000. Загрузить бронебойные снаряды… Огонь!

В следующее мгновение всё тело Морфо сотрясло от взрыва. Это не был огонь разрушительных 155-мм и 203-мм артиллерийский орудий, которые с лёгкостью могли бы пробить лёгкую броню уже с помощью ударной волны. Это были более слабые малокалиберные снаряды. Однако их количество было ошеломляющим. Сколько пушек по чьему-то приказу необходимо развернуть, чтобы получился такой плотный заградительный обстрел?

Стремительные боеголовки, летящие на низкой высоте почти параллельно земле со скоростью за гранью периферийного зрения человека, скорее всего, были одновременно выпущены из огромного количества танковых пушек.

Так как железнодорожные пути – его единственное средство передвижения – были уничтожены, неповоротливый зверь мог лишь смирно сидеть, пока дождь из снарядов лился на него. Прилетевшие бронебойные снаряды не были способны пробить тяжёлую броню, но, когда непрерывный огонь смог смести динамическую защиту, тело Морфо напряглось, словно только проснулось ото сна.

— Возобновить огонь. В случае контратаки уклоняйтесь по своему усмотрению! Неопознанная единица!

Пусть это было одностороннее чрезвычайно странное обращение, но Шин каким-то образом осознал, что сейчас обращаются именно к Могильщику.

— Вы ведь пытаетесь подобраться ближе, верно? Мы задержим его, а вы воспользуетесь шансом и атакуйте!

Бомбардировка. Ударные волны и пламя. Взрыв, исходящий от его брони с динамической защитой. Бесчисленные вспышки и попадания. Всё это вместе застопорило центральный процессор Морфо, сделанный из жидких микромашин, а также на мгновение отключило его наземный противовоздушный радар. Как будто ожидая именно этого, в воздух над Морфо взлетела ракета малой дальности. Взрыватель сработал, и она взорвалась. Ударные ядра обрушились сверху, подобно дождю из копий, проникая в его броню, а также уничтожая оставшиеся пушки «Вулкан» и бесчисленные ноги.

Впервые массивный зверь потерял равновесие. Его огромное тело, сделанное из стали, выгнулось назад, словно пребывало в агонии, и рухнуло. Без смягчающей системы ног, земля после удара содрогнулась.

— Всем членам отряда, прекратить огонь! Так, а теперь ваш черёд!

Шину не нужно было что-то дополнительно объяснять. В момент взрыва ракеты он разогнал Могильщика до максимальной скорости. Преодолев расстояние между ними чуть менее, чем за десять секунд, он кувырнулся и, наконец, достиг нужной дистанции для ближнего боя, в котором он специализировался. Морфо же от отчаяния приложил все усилия и направил свою рельсовую пушку в его сторону.

Внезапно по его спине пробежали мурашки, словно электрический разряд.

Рефлекторно дёрнув на себя рычаги управления, он резко затормозил. Это не было каким-то предвидением или предсказанием, а, скорее, чувство, что у его противника всё ещё была карта в рукаве. У Шина не было времени на то, чтобы сделать что-то ещё. Когда его взгляд скакнул вверх, главный экран сменил изображение, заполняясь серебром.

†

«Не смей недооценивать меня!..»

Даже если его тело бурлило из-за внезапного огненного ливня, Кирия не прекращал сражаться. Покрывающая его броня задрожала в тот момент, когда он отдал эту команду для того, чтобы стряхнуть с себя осколки разрывных снарядов и ядер, которые впились в него.

«Я всё ещё могу сражаться. Даже если мне придётся забрать их всех с собой, я всё равно… всё равно убью каждого!»

«Почему?», – возник спокойный голос в его сознании. Это был голос Кирии четыре года назад, когда у него было собственное тело, способное к взрослению. Хотя его голос и стал глубже давным-давно, но он всё ещё был несколько выше, чем у взрослого человека. Его собственный голос, которым он мог говорить четыре года назад, никак не изменился.

«Почему ты зашёл так далеко? Зачем ты сражаешься? Почему ты… пытаешься всех истребить? Почему даже последнего оставшегося родственника, которого ты никогда не видел?»

Кирия засмеялся. Несмотря на отсутствие губ, которые могли бы изогнуться вверх, или горла, из которого мог бы раздаться звук, он засмеялся.

«Разве не очевидно? Сражения – это всё, что у меня осталось. Всё, на что я теперь способен – это бросаться головой вперёд на пылающее поле боя. Больше у меня ничего нет. Ни того, что могло бы заполнить пустоту в моём сердце, ни того, что можно было бы назвать моей душой. Осталось лишь пламя войны и нескончаемые сражения.»

Заметив противника, отразившегося в его оптическом сенсоре, Кирия повернулся к кабине. В тот момент, как на него обрушился шквал взрывов, от которых здравомыслящий человек, несомненно, бы вздрогнул, он пошёл на безрассудство против своего последнего родственника,

словно говоря тем самым, что для него уже ничего не имеет значения. И даже его собственная жизнь.

«Если из-за этого…»

Слова бессознательно и внезапно вырвались из него за пределами его бурных мыслей.

«Ты, у которого также, как у меня, ничего нет…»

«Если из-за этого ты станешь таким же, как и я… Я сделаю всё для этого…»

†

Источником серебристого ливня был треск неисчислимого количества проводов. Четыре крыла Морфо распахнулись, выпуская провода. Это было похоже на серебряный поток, несущийся вперёд со скоростью молнии. Словно волосы дракона толщиной с детскую руку.

Устремившись вниз, они глубоко вошли в землю. Грязь тут же подлетела в воздух, проносясь перед внезапно остановившимся Могильщиком.

А затем…

— !..

Когда перед его глазами вспыхнул фиолетовый свет, по телу Шина прошли разряды. Оптические экраны, голографическое окно и датчики побелели. Поражённый электричеством Могильщик был отброшен назад, и Шин едва удержал машину на ногах.

Главный экран вернулся к жизни вместе с несколькими датчиками. Однако голографическое окно так и не восстановилось, а некоторые из датчиков всё ещё показывали случайные цифры. Внутри кабины загорелись сообщения с тревогой. Когда запах горящих деталей проник в его герметичную кабину…

…Он поднял глаза и увидел, как огромное количество вытянутых проводов ползают вокруг, а основное тело Морфо было спрятано между ними. Это были провода для ближнего боя… Легион так беспокоился о потере Морфо, что экипировал контрмеры для каждого возможного сценария.

Танковая башня, разработанная с намерением сконцентрировать мощность снаряда в минимально возможной точке для того, чтобы пробить толстую броню противника, была плохим вариантом для уничтожения всех проводов. Провода образовывали неравномерную сетку на земле, но не было и единого промежутка, которого было бы достаточно для того,

чтобы Джаггернаут мог проскользнуть внутрь. Любая попытка прорваться, вероятно, приведёт к тому, что они сразу же обовьются вокруг него.

— Подтверждена перегрузка накопителя… Эти провода. Что за мерзкое оружие…

В голосе на другой стороне чувствовалось напряжение и беспокойство. Судя по всему, они также не ожидали чего-то подобного.

— Избегайте проводов. По ним бежит электричество, которое питает эту гигантскую штуковину и её рельсовую пушку. Ваше оружие и движок, скорее всего, не смогут справиться с этим… Это препятствие не преодолеть тому, кто специализируется на ближнем бое, как вы.

«И что мне тогда нужно сделать?»

Он не стал спрашивать это с помощью слов, но, кажется, человек на другом конце кивнул.

— В этом случае…

В следующий момент владелец голоса словно холодно сузил свои глаза, а в самом голосе начали звучать признаки захватывающего боевого духа, острого, как клинок.

— Мы что-нибудь сделаем.

В воздух тут же взлетела ещё одна ракета. Несколько проводов в ответ изогнулись подобно хлыстам, пытаясь сбить приближающийся снаряд. Атакованная с нескольких сторон ракета была разрезана пополам. Только вот вылетело из неё не взрывчатое вещество или ракетное топливо, а большое количество мутной и вязкой жидкости.

На рассеивавшуюся жидкость в воздухе начала действовать гравитация, и она дождём полилась на Морфо. Его чёрная броня и провода были пропитаны коричневой жидкостью.

А затем…

— …Пять секунд… Две, одна… Воспламенение.

На взрывателе сработал таймер. Горючая жидкость воспламенилась в течение нескольких секунд.

?!

Приглушённый крик сотряс воздух, и одновременно с этим пламя начало пожирать тело

Морфо. Словно своеобразная месть за одну из предыдущих тактик Легиона по выкуриванию их с помощью огня – бомбардировка с использованием зажигательных бомб. Морфо извивался, будучи не в состоянии уйти с этого места из-за того, что рельсы были уничтожены, а ноги – потеряны. Оставшиеся ноги из-за отсутствия под ними рельс погрузились в землю, так как не были способны выдержать вес более тысячи тонн.

В отличие от людей, сгорающих заживо при воздействии пламени с температурой несколько сотен градусов по цельсию, тело же Легиона состояло из металла, которое могло выдержать даже эти 1.300 градусов. Толстая броня предотвращала проникновение тепла внутрь машины, да и там всё равно не было пилота, который мог бы задохнуться из-за сжигания кислорода.

Однако человеческие инстинкты, сохранившиеся в этом металлическом драконе, заставляли его дрожать от страха перед огнём. Пока он находился в этом пламени, электричество перестало идти по проводам. Его схема была принудительно отключена из-за воздействия высокой температуры, также уменьшив проводимость электричества у проводов. По этой причине провода превратились в обычные тонкие кабели.

Пока дракон извивался и бесшумно ревел, провода начали один за другим вытягиваться из земли, устраивая танцы в воздухе. Пламя с жадностью пожирало синевато-фиолетовый рассвет, превращая всё вокруг в хаос. В этот момент Шин налёг на рычаги управления.

Синий оптический сенсор Морфо повернулся в направлении Могильщика, когда тот прыгнул прямо на него. Сосредоточившись исключительно на нём, все провода одновременно полетели в его сторону, а их острые концы, похожие на когти, были направлены на него сверху. На мгновение Шин перевёл взгляд на небеса перед тем, как провода настигли его. Это были те же самые провода, которые прошлись через управляемую ракету как по маслу.

Он услышал, как к нему обратился голос по ту сторону: — Оно всё ещё может двигаться?!.. Нехорошо! Пожалуйста! Уклоняйтесь!

«…Нет.»

Алые глаза Шина могли видеть каждый провод в момент, когда буря обрушилась на него: каждый из них летел под разным углом и мог достичь цели в разные промежутки времени. Его концентрация достигла своего предела в тот момент, который, казалось, длился вечно. Он был в курсе, что на его пути к Морфо будут стоять эти провода… и знал, как их можно обойти или избавиться от них. Провода до сих пор пылали, а их проводимость постепенно уменьшалась. Из-за этого находящаяся перед ним цель была не более, чем немного проворным противником.

Он сделал низкий, резкий прыжок вперёд. Первый разрез вот-вот должен был достичь серебряного фредреса. Когда они уже должны были пересечься, в самую последнюю секунду лезвие, которым он взмахнул, разрезало провод горизонтально. Импульс от первого приземления позволил ему продвинуться вперёд, уклоняясь от второго провода, который он также разрубил. Третий и четвёртый набросились на него по диагонали с двух сторон, но он быстро перехватил их и пошёл дальше, чтобы побыстрее избавиться от оставшихся копий.

Малокалиберные снаряды прорывались сквозь похожие на копья провода, устремляясь в небо и взрываясь в воздухе из-за таймера в взрывателе. Порождённые бесчисленными взрывами ударные волны образовали невидимый щит, который отгонял провода от Могильщика.

Могильщик, находясь под этой защитой, бросился вперёд, уклоняясь от постоянных атак и, используя в качестве опоры одну из артиллерийских башен, что валялись на поле боя, словно надгробия, прыгнул. Однако заставить его совершить подобный глупый прыжок, когда после него в воздухе не было бы свободы передвижения для уклонения, и было планом Морфо, поэтому он сразу же начал действовать.

«Верно… Он действительно один из тех, кого я просто не могу выносить»

Именно такая мысль пришла в голову Шина, вспоминая разговор с Фредерикой.

«Такой прямолинейный человек – это тот тип, с которым я никогда не смогу смириться. Похоже, он так зациклился на выставлении той части себя, которая была безнадёжно поломана, словно говоря мне, что я такой же»

«Меня это просто бесит»

Он выстрелил своим якорем. Как только якорь зацепился в сгоревшую броню, Шин начал втягивать его обратно. Его маневр уже никак не походил на свободное падение: тот набирал скорость, на которой мог запросто разбиться. В результате удар пришёлся по креплению правого лезвия, которое стало единственной жертвой в этом манёвре, и он приземлился прямо на массивную спину дракона.

— Фредерика… Где твой рыцарь?

Он задал ей этот абсолютно ненужный вопрос, потому что «уничтожить своего рыцаря» было её желанием и тем, к чему она стремилась. Пусть даже не именно она нажмёт на триггер, но её решимости должно хватить на совершение этого поступка.

Через синхронизацию он почувствовал, как она начала дрожать.

□

— …Кири… он…

В этот момент Фредерика увидела видение.

В переднем саду Адлер Холста – дворец с троном бывшей Империи, о котором ей не хватало воспоминаний для того, чтобы чувствовать к этому месту ностальгию – стоял Кирия, одетый в

имперскую чёрно-красную униформу, ругая кого-то в своей обычной манере.

Объектом его выговора был парень с красными глазами и смешанной кровью. Он был похож на Кирию, но на несколько лет моложе. Выражение его лица приняло равнодушный вид, полностью игнорируя слова старшего. Подобное поведение заставило Кирию повысить свой голос, из-за чего интеллигентный юноша в очках – его старший брат – встал между ними посередине.

Это была сцена, никогда не происходившая в реальности.

Способность Фредерики позволяла ей заглядывать лишь в прошлое и настоящее. Это, в свою очередь, означало, что сцена была не более, чем её желанием – обычная иллюзия. Но если бы… Если бы этой войны никогда не было. Если бы только объединение наследника Ноузенов и женщины Пиропа и смешения рас было бы не запрещено. Если бы только их не заставили бежать в Республику из-за этого. Если бы подобная традиция не существовала.

Если бы Империя была чуточку добрее по отношению к своему народу, к другим странам, к своим гражданам…

…Возможно, подобная сцена была бы реальностью. Она была последним потомком рода, которая могла претворить это в жизнь.

Юная императрица прикусила розовые губы.

«В таком случае… я знаю, что должна сделать.»

□

— Кирия…

Её нерешительность длилась лишь мгновение. Фредерика решила не убегать от убийства того, кто был ей дорог.

— Позади главного ствола. Промежуток между первой парой крыльев.

Осмотрев массивное тело, за которое он зацепился, его взгляд упал на люк технического обслуживания в том самом месте, что она упомянула. Разрезав провода, что шли от крыльев, он побежал мимо столбов огня. Морфо взревел и начал бешено дрыгать ногами, словно сороконожка, на которую вылили уксус. Пытаясь встряхнуть тяжёлое тысячетонное тело, его движения почти отправили легковесный Джаггернаут в полёт.

— Тч!..

Расставив свои четыре ноги, он дополнительно активировал укрепление на ходовой части. Ноги впились в броню Морфо. В обмен на толчок огромной силы, который заставил даже привыкшего к высокоподвижному бою Шина стиснуть зубы, Могильщик успешно закрепился и вернул себе равновесие на спине машины.

В то же время Морфо продолжал извиваться и поднял свою башню вверх, словно животное, бросающее вызов Богам. Он зарядил свою рельсовую пушку ещё большим количеством электричества, чем раньше… Его было достаточно для того, чтобы приблизиться к краю буйства. Ударная волна сотрясла воздух, и молния пробежала по стволу пушки. Глаза Шина широко распахнулись, когда он понял, что именно Морфо собирается делать.

Самоуничтожение с гарантированным убийством противника.

Он собирался утащить за собой Шина!..

Эмоция, которую он почувствовал в этот момент, была… Как ни странно, это не был ужас или сожаление, а облегчение.

«Вот он.»

«Таков будет конец.»

□

Мягкий хлопок, пришедший эхом издалека, пронёсся по полю боя, заглушив всё вокруг.

□

Источником этого звука был выстрел из пистолета. Стреляли из него за пределами эффективной дальности, но даже если бы пуля попала бы по нему, то у неё просто не хватило бы мощности, чтобы пробить броню Легиона. Это было оружие, единственная цель которого заключалась в том, чтобы покончить с собственной жизнью.

Инстинкты Легиона, которые приказывали Кирии уничтожить всё и вся, заставили его треснувший оптический сенсор повернуться в нужную сторону. Подобно системе Джаггернаута по распознаванию неопознанных вооружённых целей, его система автоматически увеличила изображение.

В той стороне стояла Фредерика, окружённая стаей синих бабочек, с пистолетом в руке. Её бледные губы чуть приоткрылись.

— Кири…

В этот момент металлический дракон посмотрел на свою госпожу, свою императрицу.

□

— Принцесса.

□

Его голос был наполнен облегчением.

Медленно опустив дуло пистолета, она затем направила его себе в висок.

«Почему?.. Неужели ты не придёшь и не остановишь меня, дорогой мой рыцарь? Если ты ничего не сделаешь, то я умру. Я стою прямо здесь, в том месте, где огонь твоей системы самоуничтожения застигнет и меня тоже. Я потушу твоё пламя своей собственной плотью и кровью…»

— Принцесса!

Убийственные инстинкты Морфо на мгновение пропали, подобно туману. Образовавшийся на стволе пушки гром утих.

В ту же секунду Шин нажал на спусковой триггер.

Краем глаза он заметил, что Файд сорвался с места и ловко ухватил Фредерику своим манипулятором. Не тратя времени даже на то, чтобы запихнуть её в контейнер, он помчался прочь, не жалея сил.

Толчок, последовавший за ударом. Высокоскоростная бронебойная боеголовка с огромной кинетической энергией пробила броню и внутренние механизмы, поджарив центральный процессор с жаром, равному уже истощённому урану. Морфо вспыхнул ярким пламенем.

— !!!

Морфо взревел, когда жидкий, микромашинный мозг закипел. Лицо Шина скривилось из-за рёва, который ударил по его барабанным перепонкам. Чёрное пламя вырвалось из гигантского зверя, превращая жидкость из микромашин в серебряный пепел. Эта сцена слишком реалистично напоминала Шину о смерти его брата. Брата, чьи последние слова не могли достигнуть его перед тем, как он исчез. Исчезающая рука брата, его исчезающие слова, которые Шин не смог вовремя услышать.

Запертый в плену Морфо, рыцарь Фредерики завыл. Его последние слова, его ненависть ко всему живому были на самом деле криком, зовущим человека, которого он всегда пытался найти.

«Принцесса.»

«Принцесса.»

«Принцесса.»

«Я наконец встретил тебя вновь, но!..»

— …Хватит, — прошептал Шин, даже зная о том, что до него эти слова не дойдут.

Прямо как в тот момент, когда он не мог ухватиться за удаляющуюся и горящую руку брата. Прямо как в тот момент, когда голос брата исчез, перестав отдаваться эхом в его ушах.

Мёртвые остались в прошлом. Ничего не изменится с их уходом, а наступление будущего смывало их прочь, независимо от желания. Живые никогда больше не пересекутся с ними.

— Даже если ты задержишься, всё равно ничего не изменится. Ты ничего не добьёшься. Поэтому просто… исчезни.

В тот же миг Шин почувствовал на себе взгляд чёрных глаз. Взгляд был полон жалости к нему.

«Это ведь… также верно и для тебя. У тебя, как и у меня, ничего нет. Нет… Для тебя это верно вдвойне.»

□

«В конце концов… разве ты не пытался умереть вместе со мной?»

□

Когда Шин услышал это, оно стояло прямо перед ним. По его телу пробежал холодок. У них было одно лицо. Возможно, из-за того, что Шин никогда не видел лица своего дальнего родственника, он подсознательно подставлял своё лицо на его место, а может, они и правда были так похожи друг на друга. Настолько похожи, что Фредерика могла сколько угодно раз перемешивать их между собой.

Или же, возможно… оно уже не было рыцарем Фредерики…

Зафиксировав свои чёрные глаза – единственное отличие между ними – на Шине, он злостно усмехнулся. Цвет новолуния. Именно такого цвета были глаза его брата в ту роковую ночь.

«Верно. У тебя ничего нет.»

«Ничего, что нужно было бы защищать. Нет места, куда бы ты мог вернуться. Не к чему стремиться. Нет того, ради чего стоит жить. Никого, к кому бы ты мог обратиться в свой последний час. Ничего. У тебя нет ни единой…»

…причины, чтобы жить.

Иллюзия протянула руки к его шее. Это не были руки его брата, но и, вероятно, не руки Кирии. Пальцы с мозолями от использования огнестрельного оружия и пилотирования бронированного оружия принадлежали самому Шину…

Схватившая его шею рука вонзила свои ногти в шрам, оставленный братом… Единственное, что осталось от него и единственное доказательство того, что брат существовал.

Чёрные глаза смотрели на него с издёвкой.

«Разве ты не обманул саму смерть для того, чтобы его уничтожить? Разве это не было единственной твоей целью, ради которой ты остался жить? В этом случае, раз эта цель была выполнена…»

«…ты стал ненужным.»

«Неважно, где именно ты находишься, у тебя более нет причин для того, чтобы оставаться в живых.»

«Так почему же?..»

□

«Почему ты всё ещё жив?»

□

Они насмехались над ним.

«Ты надеялся, что всё закончится в тот момент, как покончишь с ним, да? Ты был так в этом уверен. И, в конечном итоге, ты снова…»

□

«…совсем один.»

□

— !..

Перед его глазами мелькнуло видение. Он видел спину одетого в камуфляжную форму брата, которая удалялась от него, взорванный Джаггернаут, а также последние секунды его бесчисленных товарищей, которых ему пришлось застрелить из-за того, что никто спасти их уже не мог.

□

«Почему?.. Почему все… постоянно умирают?..»

«И оставляют меня позади?..»

†

Легион презирал идею утечки секретной информации в ходе захвата машин, поэтому предпринял множество контрмер для предотвращения этого: многоуровневое шифрование и специальные взрывные панели. Это также было верно и для Морфо, их ценного козыря. Специальный сенсор обнаружил фатальные повреждения центрального процессора и запустил устройство самоуничтожения через независимую схему.

Система не была разработана с целью забрать с собой кого-то ещё, но взрыва мощного заряда было достаточно для того, чтобы уничтожить Голиафа весом в более чем одну тысячу тонн и его тридцатиметровый ствол. Пламя быстро сожгло стаю летающих поблизости бабочек и опалило верхушку контейнера Файда, когда тот налёг на Фредерику для её защиты. Взрыв снёс всё ещё находившегося наверху Могильщика, словно лист, сдуваемый ветром.

†

По-видимому, он на какое-то мгновение потерял сознание. Открыв глаза, он увидел небо, окрашенное в цвета рассвета, которое показывалось на треснувшем оптическом экране. Когда он поднял свой взгляд, то его охватило странное чувство клаустрофобии, из-за чего он быстро нажал на рычаг, открывающий кабину. Он знал, что ничего в этот момент ему не угрожало, но даже если бы это было не так, его это не сильно волновало.

Кабина открылась не сразу, видимо из-за того, что корпус был сильно погнут. Тем не менее,

синее небо всё также было каким-то тяжёлым и гнетущим, прямо как в тот момент, когда он видел его через экран. Сияющая лазурь словно в любую секунду могла обрушиться вниз, сокрушая всё на своём пути. Шин глубоко вздохнул, откинул голову на сиденье и закрыл глаза.

По какой-то причине он чувствовал давящую… усталость.

Продолжать двигаться вперёд было его гордостью. Продолжать сражаться до самого последнего вздоха было выбрано «восемьдесят шесть» в качестве своей личности, и именно из-за этого он зашёл так далеко. Но, может быть, он всего лишь шатался по полю боя первого района боевых действий и искал подходящее место для того, чтобы умереть после похорон своего брата. Он желал, чтобы механические призраки покончили с ним, с обычным призраком, который даже не смог нормально умереть.

«Если бы тебя не было рядом.»

Именно это сказал ему брат однажды… А бесчисленное количество людей повторяли это. Но он всё ещё жил из-за того, что у него была цель – упокоить призрака его брата. Он мог вытерпеть тот факт, что всё ещё был жив, из-за того, что он должен был освободить душу брата. После того, как он потерял эту цель, у него больше не было причин для жизни.

«У тебя ведь впереди долгая жизнь…»

Таковы были его последние слова. Искренние последние слова, которые он услышал от своего брата. Это были слова, означающие посмертное разъединение, которое никогда не должно было произойти. Прощальный подарок в виде этих слов. Его брат искренне не хотел расставаться с ним и всем своим сердцем желал, чтобы у него было счастливое будущее.

Только вот для Шина это было ничем иным, как проклятьем.

Слишком много времени. Ему предстоит пережить слишком длительное будущее. Он никогда не желал этого. Он верил, что когда столкнётся со своим братом, то всё закончится на том, что они убьют друг друга. И несмотря на всё это…

«Брат… Почему ты вновь оставил меня? Почему ты и в этот раз не смог забрать меня?!..»

«Если бы просто сделал это, то мне не пришлось бы всё это испытывать…»

— Н-нгх…

Что-то напоминающее одичалое рычание, так похожее на рыдание, сорвалось с его уст. Он прикрыл глаза своей рукой, чувствуя, как под веками становиться тепло. Но ничего не произошло… «Бог смерти». Он никогда не считал полученное им прозвище отвратительным. Он должен нести за собой воспоминания обо всех ушедших товарищах, и он никогда не станет

жалеть о том, что пообещал им всем нести их за собой.

«Только вот почему?.. Почему все всегда меня оставляют позади? Почему все постоянно оставляют меня одного?.. Почему все… так просто… и всегда… исчезают?..»

□

На мгновение ему показалось, что кто-то крикнул, прося не оставлять его. Но если бы он сам мог произнести эти слова… Остался ли хоть кто-нибудь рядом с ним?

□

Он взглянул на пылающие обломки Морфо. Место упокоения рыцаря Фредерики. Человек, с которым он ни разу за свою жизнь не встречался, и тот, кто похож на Шина, но и не похож в равной степени. Останки того, что некогда было призраком без каких-либо кровных уз, без земли, которую он мог бы назвать домом, и того, кто мог существовать лишь на поле боя.

В то же время, это была судьба призрака, у которого, несмотря на становление Легионом, был человек, по которому он мог тосковать. Если Шин также станет Легионом, чьё тогда имя он будет звать? У него даже этого не было. Чувствовалась лишь… пустота.

Услышав лёгкий топот приближающихся шажков, Шин раздражённо повернулся. Пробежав через разбросанные повсюду обломки лазурита, Фредерика, держась за кабину, заглянула внутрь.

— Знаешь, выглядишь, словно труп в своём гробу. Невероятно зловещее зрелище.

Шин слабо усмехнулся за закрытыми глазами. Запечатанная кабина действительно выглядела, как гроб, а разбросанный повсюду лазурит напоминал украшающие его погребальные цветы.

— …Верно.

— Дурак, что это вообще за ответ такой?.. Когда ты уже перестанешь так упрекать себя?

Она попыталась улыбнуться, но не делала ничего, чтобы скрыть её покрасневшие, опухшие веки и следы от слёз, которые лились по её фарфоровым щекам. Плечи Фредерики были приподнятыми лишь на мгновение, и, вздохнув, она вновь опустила их.

— Прости… Пистолет, который ты мне доверил…

Посмотрев вниз на её маленькие дрожащие руки, Шин увидел трещину, идущую от выпускного

отверстия к раме. Скорее всего, шрапнель задела. Трещина же, вероятно, доходила до внутренней части патронника, а значит было фатальным повреждением для пистолета.

— …Ага.

Даже после того, как он дошёл до Союза, этот пистолет, который хоронил его умирающих товарищей, был единственной вещью, с которой он не расставался. Однако, как ни странно, он не испытывал к нему особых эмоций. Взяв его одной рукой, он выбросил его. Металл и фиброармированный пластик приземлились на останки синих бабочек, издав глухой звук удара. Глаза Фредерики с удивлением проследили за траекторией падения.

— …Т-ты не должен был его выбрасывать.

— Цилиндр и патронник треснул, да и это не модель, используемая Союзом. Его никак уже нельзя будет починить.

Его использовали наземные силы бывшей Республики, но модель изначально была произведена альянсом. Если бы он занялся бы поиском серьёзно, то, возможно, и смог бы найти запчасти для ремонта, но он не был настолько привязан к нему.

Фредерика нервно смотрела на место, куда упал пистолет Шина.

— Почему?.. Разве это не тот пистолет, который упокоил умирающих товарищей? Или не так: разве это не доказательство существования уз между вами? Ты не должен отпускать его так легко просто из-за того, что он сломан.

Услышав эти слова, он не мог не рассмеяться. Узы?

— Мне как-то всё равно… В конце концов, я использовал их для того, чтобы раз за разом выбираться на поле боя.

Пусть он и пообещал взять их с собой… Всё, что он делал – это бродил вокруг в поиске места, где мог умереть. Вряд ли бы они хотели, чтобы их взяли с собой в это жалкое, глупое путешествие.

— Но это!..

Выражение лица Фредерики исказилось, и она повысила свой голос.

— Это неправильно!.. Ты не взваливал весь этот груз на свои плечи по такой причине…

— …

— Почему ты так просто отказываешься от этого? Я не могу не думать об… обещании, которое ты дал своим товарищам, о твоих чувствах, когда ты давал эту клятву, и о боли, которую ты испытываешь прямо сейчас…

Прозрачные капли начали стекать по её бледным щекам, отражая рассвет.

— Твоё сердце уже окончательно заледенело, а жар от эмоций, которые ты испытываешь по отношению к своим товарищам, воспринимается теперь, как боль. И если боль становится слишком сильной, тебе нужно просто положиться на других… У тебя сейчас нет никого, кто бы помог тебе с бременем прошлого…

Его глаза сузились на её речь. Она знала о том, чего он никогда ранее не упоминал. Учитывая её способность, нельзя как-то избежать того факта, что она может заглянуть в его прошлое, ведь, в конце концов, Шин также не был способен контролировать свою способность. Тем не менее, слышать подобное, словно она всё понимает, было неприятно.

— …Снова подглядываешь?

— Дурак. Это из-за того, что ты продолжаешь думать об ушедших… Может ты и говоришь, что отпустил их, но ты всё ещё держишь их рядом с собой, поэтому-то я и могу их видеть. Их было так много, но ты столкнулся лицом к лицу с каждым, никогда не пытаясь отвернуться от кого-либо… И как ты можешь списывать это на простое оправдание, идиот?

Грубо вытерев слёзы тыльной стороной ладони, она повернулась к Файду, который выжидал на некотором расстоянии от них.

— Файд, пойди и возьми тот пистолет, что выкинул этот дурак. Я помогу тебе с поисками, так что вдвоём мы определённо его найдём.

— Не двигайся, Файд. У нас нет времени, чтобы тратить его впустую.

Оптический сенсор Файда начал моргать, будто его глаза двигались туда-сюда из-за противоречивых приказов. Но после гудка, по какой-то причине он подошёл к Фредерике, схватил её за воротник, словно котёнка, и впихнул внутрь кабины.

— Ч-что ты делаешь?

— Естественно, возвращаем тебя обратно. С подобными повреждениями, если вдруг появятся новые враги, у нас будут проблемы.

Несмотря на то, что Легион был довольно далеко, он определённо заметил царящий здесь хаос, поэтому направился в этом направлении. Все четыре сустава были сломаны, а предупреждающие сообщения постоянно мерцали, говоря о состоянии движка, подвергшегося безрассудным манёврам. Возможно, о собственной жизни он не так сильно беспокоился, но он должен был вернуть обратно Фредерику. Он должен был убедиться в этом, но основные силы Союза ещё должны были достичь их текущего местоположения. Если бы он только мог избегать сражения до тех пор, пока они не перегруппируются с ними…

…А что потом? У него ушло мгновение для того, чтобы понять, насколько глупым был этот вопрос. Война с Легионом ещё не окончена. Она всё ещё будет идти. И он будет сражаться на этой войне… до того дня, пока не проиграет и, в конченом итоге, умрёт. Что же касается вопроса о том, почему он будет сражаться… За что вообще он должен сражаться… На этот вопрос он никогда не сможет ответить. Это был вопрос, на который он на подсознательном уровне пытался избежать ответа.

Чтобы сказал Юджин в тот момент, когда он бы ответил на него «сражаюсь ради того, чтобы умереть»? Если бы это была та самая причина, из-за которой он и сражался, то тогда не Юджин должен был умереть… а он сам.

Он был вынут из своих мыслей, когда почувствовал маленькое тело Фредерики, которая обняла его.

— …Что ещё?

— Не говори со мной подобным образом, дурак… Когда мы перегруппируемся с главными силами, возьми отгул и отдохни. Иначе, ты вскоре…

В отличие от его собственного тела, холодного из-за раннего утра в северном климате, тело Фредерики излучало тепло, на которое способен лишь ребёнок. Это сильно его раздражало. Но по какой-то причине он не мог заставить себя отцепить её, просто смотря в этот момент на небо. Какая-то его часть желала всем сердцем, чтобы оно свалилось на него.

Солнце взошло, и стая бабочек, трепеща своими крылышками, улетела прочь, будто солнечный свет прогнал их. На мгновение лазурь была поднята в воздух из-за дуновения ветерка. Перламутровое сияние заполнило его поле зрения, после чего рассеялось, будто сами небеса вдохнули его.

Говорилось, что бабочки, независимо от культуры, региона или возраста, являются символом ушедших душ, которые возвращаются домой…

Неосознанно он протянул свою руку, но, конечно же, его пальцы схватили лишь воздух. Он мог просто смотреть вверх на синий свет, медленно исчезающий в небе…

Вздохнув, он активировал систему герметизации кабины. После того, как она закрылась,

загорелся оповещающий о герметизации сигнал. В отличие от Джаггернаута Республики, кабина модели Союза была оснащена защитой пилота от биологического и химического оружия. Он перезапустил главную систему, войдя в режим ожидания. Информационные голографические окна были восстановлены и включены, а затемнённый оптический экран начал светиться.

И в тот момент, когда это произошло, экран внезапно заполнился алым светом.

Красные лепестки кружили по ветру. Почти растоптанные стаей бабочек цветки ликориса распустили свои лепестки и тычинки, а уникальные алые стебли подняли их наверх.

Всё поле было заполнено этими цветами. Море из цветов ликориса, растущего повсюду и окрашивающего абсолютно всё в характерный для них красный цвет. Эти цветы, в зависимости от времени года, также могли быть и без лепестков. Когда ветер проносился через них, они начинали извиваться, словно какой-то невиданный ранее монстр. Оборванные механическими ногами лепестки эфемерно порхали в этом красном мире, простирающемся так далеко, насколько только хватало глаз.

В какой-то момент появилась, хватая ртом воздух, она. В поле стояла девушка, одетая в синюю военную форму, а её глаза и волосы были ярко-серебристого цвета.

†

Прорвавшаяся сквозь безлунный рассвет белая вспышка отобразилась на мониторе пушки в диспетчерской.

Лена прошла через алый ковёр ликориса и остановилась возле неопознанного фредреса, который сидел на этих цветах. Этот тип концептуально отличался от фредресов Республики. У него было четыре сустава, сгибаемые ноги, а его обтекаемый аэродинамический корпус был покрашен в цвет полированной кости.

Также он был оснащён 88-мм пушкой, и с двух сторон находились высокочастотные лезвия, одно из которых было сломано. Оно обладало той самой функциональной красотой, которая была исключительной чертой высокоэффективного оружия. Холодная, яростная красота меча или копья, который был выкован и закалён ради настоящих сражений.

И всё-таки… почему? По какой-то причине он напоминал ей Джаггернаута. Зловещее ощущение скелета, бродившего по полю боя в поисках своей потерянной головы.

Никто в данный момент не мог сказать, друг или враг находился сейчас перед ней. Исходя из того, что она знала, это также мог быть новый тип Легиона. Тем не менее, одно она знала наверняка: врагом была та дальнобойная артиллерия… Именно он был ответственен за

разрушение Гран-Мюра.

Поэтому-то она и прикрыла его огнём. Кто бы перед ней не был, они не о чём не договаривались, но сражались вместе ради победы над общим врагом. И после того, как она увидела процесс самоуничтожения дальнобойной артиллерии, которая пыталась забрать с собой и этого фредреса, она поспешила подтвердить его состояние.

Пилот – если, конечно, внутри был кто-то, управляющий этим аппаратом – мог быть серьёзно ранен. И даже если нет, то она хотела бы просто выразить благодарность за помощь.

Хотя минные поля на пути к Гран-Мюру были прорваны, это место всё ещё оставалось довольно опасной зоной с точки зрения военных стандартов безопасности, учитывая, что около 80 процентов поля было очищено от мин. По этой причине, Джаггернаут Циклопа подобрал её и пронёс к тому месту, где он стоял.

Уставившись на изображение неизвестного фредреса, который в тишине стоял в поле, процессор Циклоп, капитан Шиден Иида, начала говорить:

— Ваше величество, если что-то произойдёт, то лучше сразу уйти отсюда. Если вы будете бегать по полю боя в таком незащищённом виде, то будете лишь мешать.

— Не согласна. Да и, кроме того, нет никаких гарантий, что что-то произойдёт.

Она подошла ближе к неопознанному аппарату как раз в тот момент, когда он уже поднялся. Судя по всему, пилот или, возможно, сам аппарат не получил таких серьёзных повреждений, чтобы полностью быть обездвиженным. Её взгляд скользнул по личной метке: это был безголовый скелет, держащий лопату. Как только Шиден увидела её, она тут же выдала удивлённое «Ох!»

— Это не может быть!?.. Нет, но ведь…

— Капитан Иида?

— Разве ты ещё не поняла?.. А, ну да. Ты, наверное, никогда не видела её, верно?..

— ?..

Шиден замолчала. Красный оптический сенсор неопознанного аппарата повернулся в их сторону.

В море красных цветов стояла девушка с серебряными волосами. Манжеты её синей униформы с поднятым воротником были обожжены. С её худого плеча свисала длинная неуклюжая штурмовая винтовка. Её глаза были того же цвета, что и волосы, на которых были видны следы сажи.

Это был внешний вид человека, который он уже много раз видел, несмотря на то, что никогда не желал этого и, тем более, не хотел видеть когда-либо вновь. Раз в месяц, когда его перевозили по воздуху. Во время смены места действия. Республика, те, кто выгнали «восемьдесят шесть» на поле боя, и отправляли их в более суровые места, если они выживали. А затем они приказывали им умереть.

Сверкающие серебром волосы развевались из-за лёгкого дуновения ветерка. Слишком яркая внешность. У Шина резко перехватило дыхание в тот момент, когда молодая девушка, чьё лицо он не мог нормально разглядеть, напомнила ему о внешности парня его возраста, который был одет в форму стальной синевы.

«Именно ты должен был умереть.»

Отведя взгляд в сторону, у него вновь перехватило дыхание из-за того, что увидел чёрного бронированного Джаггернаута. Тот самый дефектный алюминиевый гроб, который он когда-то пилотировал, находясь в восемьдесят шестом секторе. За ним же он смутно разглядел очертания серого бетонного сооружения… Стена Гран-Мюр.

Слабая улыбка появилась на его лице.

Он хотел продвинуться так далеко вперёд, насколько только мог, но, кажется, сделав круг, он вновь вернулся туда, откуда всё началось.

Фредерика, смотря на него снизу вверх, застыла в оцепенении. Он не обратил внимание на то, насколько его выражение лица исказилось в тот момент, когда открыл линию связи фредреса.

†

— …Могу я предположить, что вы являетесь командиром армии Республики Сан-Магнолии?

Возможно, из-за тех повреждений, которые он получил, сражаясь с дальнобойной артиллерией ранее, звук его внешних динамиков звучал скрипуче, и слова было довольно трудно разобрать. Пилот говорил резко, грубо и сухо.

— Верно. А вы?..

— Член 177-й бронетанковой дивизии Союза Гиаде.

Несмотря на вежливость, тон его голоса казался каким-то далёким. Если принять его слова за истину, то он – она определила его пол по голосу – был из военных Гиаде – страны, которая считалась их врагом десять лет назад.

Там, скорее всего, произошло своего рода восстание, которое повлекло за собой смену названия страны, а также, судя по всему, Легион стал их врагом. Однако это не означало, что они будут рассматривать военных офицеров Республики в качестве союзников. Он не стал говорить своё имя и звание, видимо, для сохранения военной тайны… Так как «восемьдесят шесть» также не произносили своих имён до тех пор, пока их не спрашивали об этом, она уже перестала считать подобное за неуважение.

— Я выполнял операцию по уничтожению рельсовой пушки Морфо для защиты оборонительной линии Союза. Я благодарен вам за оказанную помощь в этой операции.

— Благодарить не обязательно… Только вас отправили? Вы один прорвались через территорию Легиона? Почему вам приказали выполнить столь ужасную операцию?..

— …

Вернувшееся молчание по какой-то причине показалось ей чрезвычайно холодным. Лена услышала подавленную усмешку и цоканье языком Шиден через синхронизацию. Миссия для одного или, может, для маленькой группы, которая заключалась в продвижении на территорию Легиона… Выжившие в первых оборонительных районах с каждого фронта Республики посылались на подобные разведывательные миссии в конце срока их службы с единственной целью – умереть. Какое право она имела называть что-то похожее «ужасным»?

— …Я ценю вашу заботу, но основные силы западного фронта приближаются к этому месту сзади. У меня не возникнет проблем с перегруппировкой.

— О… понятно. Тогда хоро…

— Хотите пойти с нами?

— Э?

— В случае небольшого коллектива, думаю, основные силы могут предложить защиту.

В отличие от сказанного предложения, голос пилота звучал чрезвычайно отстранённо и так, будто он совершал сделку. Он говорил так, словно уже знал о том, что Республика вот уже два месяца находилась в подвешенном состоянии, её оборонительные линии были сдвинуты назад, а сфера влияния и военная мощь была сильно снижена. Он будто спрашивал их, готовы ли они бежать с помощью своих сил. Только вот в тоне его голосе не было и намёка на насмешку или оскорбление. Он был «пустым».

В то же время, он говорил с ней, как с потерянным и недавно найденным недоумевающим ребёнком, который ходил вокруг так долго, что выбился из сил и заблудился. И её это начало раздражать. Он просто решил, что они всё равно не станут использовать свои собственные силы и сражаться, и из-за этого издевался над ней.

— Нет. Я не могу бросить страну и товарищей, которые сражаются рядом со мной. Даже если мы не сможем победить и нас ждёт лишь поражение… Я буду продолжать сражаться до самого конца.

Офицер Союза отпустил слабый смешок, услышав слова Лены.

□

Шин не мог сдержать вырвавшийся смешок от подобных слов. Сражаться? Военные Республики, которые заперлись там у себя за стенами, покуда их родина не пала? Нет, здесь был ещё более важный вопрос.

— Сражаться за что?

Он был удивлён тому, что кто-то действительно выжил, но Республика, скорее всего, всё равно уже пала. Для совершения атаки на дальнобойное тактическое оружие они смогли собрать лишь несколько пушек и Джаггернаутов, которые специализировались на огне на малой дистанции. Также, судя по лычкам, эта девушка была всего лишь лейтенантом. Младший командир, которая даже не дошла до уровня полевых офицеров. Скудные людские ресурсы и военное оборудование, которое было у армии Республики, было практически сведено на нет за эти два месяца.

«…Если бы майор была жива, была бы она сейчас здесь, на этом месте?», – пришла в голову мысль, но, покачав головой, он выбросил её из головы, словно говоря себе, что не было никакого смысла спрашивать себя об этом. Чтобы там ни было, у них не было ни причин, ни необходимости, ни сил для сражения. И даже в этом случае, эта девушка говорит ему, что собирается сражаться? За что?

— Вы там так спешите встретить свою смерть?.. Если так, то было бы лучше вообще не давать отпор.

Он просто не мог сдержать беззвучный смех презрения. Но кому именно он адресовал эти слова?

□

— …Если так, то было бы лучше вообще не давать отпор.

Лена сжала свои кулаки, услышав его грубое заявление, которое прямо сквозило холодом. Это были слова, граничащие с высмеиванием и осуждением.

— Пусть даже у нас нет сил для того, чтобы сделать это…

«Он что, намекает на то, что те, у кого нет сил, вообще не должны сражаться? Что это бессмысленно, и они не должны даже пытаться цепляться за свою жизнь? Невозможно.»

Краем глаза она увидела Циклопа. Её Джаггернаут выглядел гораздо более слабым и хрупким по сравнению с моделью Союза. Существовали люди, которые, зная о том, что им не удастся выжить, всё равно продолжали бороться до самого конца. Их агрегаты были их единственными партнёрами, а также служили в качестве места их упокоения. Произнесённые слова были оскорблением для всех. И она не собиралась позволять оставлять это оскорбление без внимания!

— Мы не собираемся сдаваться и где-то отсиживаться, ожидая момента, когда сама смерть придёт за нами. Мы будем сражаться до самого конца, пока последний вздох не покинет наши тела. Были люди, которые жили этими словами, они верили, что я могу быть такой же, как и они. Вот почему мы… почему я…

«Если ты когда-нибудь окажешься там, докуда дошли мы, может, посадишь цветы?»

Отплатить за эти слова. Ответить на чувства, которые он доверил ей.

«Мы пошли, майор.»

«Шин.»

«Всё из-за того, что ты оставил мне эти слова. Я определённо однажды смогу догнать тебя.»

— Для того, чтобы догнать тех, кто жил выживал, несмотря ни на что… Для того, чтобы встать рядом с ними и пойти ещё дальше, я буду продолжать сражаться!.. Я, лейтенант Владилена Миризе, командующая силами обороны бывшей Республики, никогда не повернусь спиной к этой войне!

В течение очень долгого времени аппарат Союза смотрел на неё сверху вниз с каким-то странным чувством, похожим на удивление.

— ?!.. Майор?!..

Раздавшийся из динамика ошарашенный голос по какой-то причине обратился к ней по званию, которое она не называла. Республика и Союз использовали примерно одну и ту же

терминологию, но в некоторых случаях разные слова всё-такие могли значить одно и то же. Особенно это касалось военного жаргона. Не обязательно, что одно и то же слово могло обозначать одно и то же звание.

После продолжительного молчания, офицер Союза, который, казалось, был на грани того, чтобы высказаться, внезапно заговорил:

— …Без сомнений, они уже должны быть мертвы. Что именно вас заставляет идти на это?

Тон его голоса был чрезвычайно неестественным, будто он пытался сохранять спокойствие, но в то же время пытаясь… зацепиться за что-то. Словно потерянный ребёнок, робко обращающийся к человеку, к которому хотел обратиться. Из-за такого впечатления ей и захотелось ему ответить.

— Они попросили меня никогда не забывать их.

Желание, которое ей доверили в ту ночь, когда они стояли под одним и тем же небом и наблюдали за разноцветными цветками. Тот момент, когда они дали друг другу невыполнимое обещание когда-нибудь вместе посмотреть на фейерверк.

«Может, я и не смогу выполнить это обещание, но… Нет, не так. Это не всё. Я не хочу забывать о нём. Он, будучи таким безразличным ко всему, оставил слишком много после себя. Я не хочу, чтобы его последние следы просто исчезли из этого мира… Пока я буду помнить о нём, он будет ждать меня на своём конечном пункте назначения.»

— Всё из-за того, что они предупредили меня о катастрофе, о приближении этого крупномасштабного наступления, я и смогла продержаться до этого дня. Всё из-за того, что они хотели, чтобы я выжила. Потому что они сказали мне, что мы обязательно встретимся снова. Поэтому я продолжаю сражаться. Я нахожусь здесь и сейчас, потому что он был здесь.

— …

— И именно поэтому я хочу ответить на эти чувства. Может быть они уже скончались, но я всё равно хочу достичь конечного пункта их назначения. Достичь места, куда прибыли они, пока ещё были живы. И в этот раз я… вместе…

«Я не могу надеяться на то, чтобы жить рядом с ними…»

— …Я хочу сражаться вместе с ними, забрать их с собой и… выйти за пределы поля боя.

Из-за этого ответа Шин, наконец, выдохнул. Эти слова не были обращены к тому, кем он является сейчас. Она всего лишь ответила на те ужасно смущающие, приторные слова, которые он сказал год назад, когда он ещё не знал, чего желал и что может лежать за этим

желанием. Но всё же…

«Потому что он был здесь.»

«Я хочу сражаться вместе с ними.»

Эти слова сделали его счастливым.

На его лице была слабая улыбка. Тем не менее, не было никакого смысла в данный момент раскрывать своё имя. Следуя за ними по пятам целый год, она не должна была видеть сцену приветствия здесь, на поле боя, где он был парализован и побеждён…

— …Вы такая же.

— …А?

— Подобное для вас верно в той же степени, как и для него. Всё потому, что вы сражались до самого конца, потому что продержались так долго, что теперь можете сегодня стоять здесь.

Солнце, наконец, взошло, и освежающие солнечные лучи осветили её спереди.

— И мне кажется, что это что-то, чем можно гордиться.

Когда он впервые увидел её через треснувший оптический экран, на её лице была нежная улыбка…

□

Красный оптический сенсор аппарата Союза молча взирал на Лену. Сейчас ей казалось, что он был более здравомыслящий, чем ранее, словно то, что овладело им, внезапно покинуло его. Что-то висевшее над ним подобно тени, следов сражения или усталости просто исчезло.

— …Майор.

Он пытался что-то сказать в своей нерешительной манере, словно не зная, что именно. Голос, идущий из внешнего динамика, был слишком искажён и полон помех, из-за чего довольно трудно было определить его возраст, но Лена каким-то образом чувствовала, что он был того же возраста, что и она.

— Майор, я…

Пауза. Внезапно, находящийся в бронированной машине человек напрягся. Его оптический сенсор повернулся к далёкому северу, где на небе всё ещё клубились облака подёнок. Буквально через мгновение изнутри Циклопа, стоящего рядом с ней, раздался голос Шиден.

— Плохие новости, Ваше величество. Я только что получила рапорт из Милана. На Гран-Мюр… движется Легион!

— Ох, нет! Вы, из Союза, эвакуируйтесь вместе с нами…

— …Нет.

Зазвеневший в её ушах голос, смешанный с помехами, принадлежал ни Шиден или офицеру Союза. С востока прямо в северное небо устремились ракеты класса «воздух-воздух», которые проходили через серебряные облака и расцветали огненными цветами. Ракеты второго залпа приземлились в землю, прямо под подёнками – туда, где располагался Легион.

Угловатый силуэт боевого вертолёта, громыхающего своими лопастями, пролетел над хребтом, сопровождаемый формацией из служебных вертолётов, летящих на низкой высоте, и транспортных вертолётов. Из внешнего динамика вертолёта послышался скрипучий голос пилота, разрушив бодрящий утренний воздух.

— Хорошая работа, старший лейтенант. Остальное уже оставьте нам.

Заполненные пехотой служебные вертолёты, а также более крупные транспортные вертолёты приземлились на красном поле боя. Лепестки отрывались от цветов и сдувались потоками ветра, рисуя на лазурном небе причудливые узоры. Бронированная пехота, оснащённая штурмовыми винтовками, ходила вокруг, занимая весь район.

Шин через треснутый оптический экран наблюдал за тем, как эскадра бежит к Лене и Джаггернауту. Сначала она, кажется, была сильно озадачена тем, что к ней приблизилась бронированная пехота, чья броня была окрашена в чёрный цвет. Тем не менее, как только один из солдат поднял шлем, показывая ей лицо, Лена испытала облегчение.

Из-за того, что она так просто при запросе отдала свою штурмовую винтовку, Шин подумал, что она и правда ничуть не изменилась. Он рассеяно смотрел, как они с трудом приспосабливаются к быстроразвивающейся ситуации. После небольшого обсуждения, кабина чёрного Джаггернаута открылась, но в этот момент его рейд-устройство активировалось.

— …Ты в порядке, Шин?

Голос говорившего с ним человека не принадлежал начальнику штаба или командиру дивизии.

— Кажется, кавалерия прибыла как раз вовремя. Только вот нам пришлось подтянуть силы быстрого реагирования в случае чрезвычайных ситуаций со всех фронтов, чтобы адаптироваться к изменению планов.

Шин, в ответ на раздражающий горделивый голос человека по ту сторону синхронизации, вздохнул. Он был спасён. Он действительно и по-настоящему был спасен.

— Эрнест. Когда мы вернёмся, я в вас что-нибудь брошу.

Возможно, хватит и обычной банки с краской. Открытой, естественно.

— Ч-что?.. Чего так внезапно-то?! Чем я заслужил подобного обращения, когда просто беспокоился за своих прелестных детишек?!

Шин отключился. Спустя пару мгновений, выражение лица Фредерики скривилось, и она поднесла руку к собственному рейд-устройству.

— Я, конечно, ой как понимаю твои чувства, Шин’эй… Нет, правда, я действительно понимаю, но лучше всё же поговори с ним. Этот мелкий чиновник пойдёт плакаться крокодильими слезами ко мне, что будет очень сильно раздражать.

Когда Шин отключился, то бросил куда-то своё рейд-устройство. Неохотно приняв из рук Фредерики уже её устройство, он вновь связался с ним.

— Эрнест, вы всё ещё на линии фронта?

— А как же! Я ведь являюсь верховным главнокомандующим армии Союза. Как я могу не быть на линии фронта в такое-то время?

— Если президент, даже временный, получит шальную пулю, пока бегает по полю боя, то это создаст большие проблемы.

— Даже если и временный… Если это должно произойти, то произойдёт, и в этом случае меня сменит заместитель президента. Иначе же, для чего вообще эта роль существует?

Возможно, его слова имели смысл, но слышать что-то подобное было чем-то безумным, особенно когда эти слова были так спокойно и непринуждённо произнесены временным президентом этой страны.

— Судя по полученному отчёту, ты уже столкнулся с ними… После завершения этой операции военные Союза займутся спасательной операцией Республики Сан-Магнолии. Развёрнутые Объединённым королевством беспилотники сейчас перехватывают их радиопередачи. Три

страны уже провели совещание, на котором решили, что просто бросить их, при этом зная о том, что там есть выжившие, было бы бесчеловечно. Мы также пришли к выводу, что, если Легион построит ещё один Морфо и установит его на территории Республики, для нас это будет огромной угрозой.

— …

— Со стороны Союза эта спасательная операция и для наших собратьев… «восемьдесят шесть», как вы. Только вот я предположу, что для тебя это не та родина, в которую ты бы хотел вернуться, верно? Если скажешь, что не хочешь сражаться ради спасения угнетателей, то сразу после отступления основных сил мы тебя отправим обратно…

— Нет, — сказал он, покачав головой. — Я останусь. В действительности, я не то чтобы хочу спасать Республику… Но есть люди, которых я не хочу оставлять на произвол судьбы.

— …Понятно.

Он почувствовал, что находящийся по другую сторону синхронизации человек, который по бумагам был его приёмным отцом, слабо улыбнулся.

— Хорошо. Но помимо этого… Раз вы завершили свою миссию, старший лейтенант Ноузен, извольте докладывать об этом должным образом. В этот раз всё нормально, потому что другие решили отрапортовать от вашего имени.

Шин удивлённо поднял взгляд.

— Так они выжили?

— …Вообще-то это первое, что ты должен был спросить, придурок.

Другой голос вмешался в этот разговор. Райден.

— Веришь или нет, но целый отряд, включая также подполковника, выжил. И если уж была затронута эта тема, то когда ты отлетел после того взрыва Морфо, я уж начал волноваться, как бы ты не склеил ласты… Правда, совсем чуть-чуть волновался.

— А Крена вот рыдала, словно ребёнок. Поверь, это был какой-то ад. Её рейд-устройство было сломано, но она всё равно продолжала попытки связаться с тобой через него.

— Ничего я не рыдала!

— Пусть это и не была полностью твоя вина, но ты уже во второй раз заставил нашу несчастную Крену плакать. Не мог бы ты прекратить выполнять свои безумные трюки, ладно?

Его товарищи, которые, судя по всему, уже перегруппировались, продолжали балаганить через синхронизацию. Он не мог сказать, из-за рая это или ада, но чем бы ни была эта загробная жизнь, похоже, она сильно ненавидит этих ребят. Посмотрев наверх, он увидел малую группу людей в лётных костюмах, которые махали ему, высунувшись из летящего в воздухе служебного вертолёта… а также высокий силуэт, идущий к ним из-за холмов на расстоянии примерно в три километра.

Кажется, в этот раз, ни один из них… не покинул его.

Облегчённо вздохнув, все силы тут же оставили его. Усталость, накопившаяся за несколько дней, а также напряжение от его предельной концентрации, которую он показал в последнем сражении, тут же дала о себе знать: у него закружилась голова. Когда он закрыл глаза, Эрнест, прекрасно всё понимая, заговорил:

— Ты молодец, Шин. Оставь захват плацдарма нашим солдатам и отдыхай.

— …Понял.

— Кстати, Фредерика. Как только вернётесь назад, готовься к суровому нагоняю.

Фредерика нервно сглотнула, а когда она посмотрела на Шина, как бы ища помощи, тот заговорил через синхронизацию.

— Я запакую её в контейнер и пришлю вам.

— Шин’эй?! Да как ты посмел предать меня?!

— Ах-ха-ха-ах, хорошо, рассчитываю на тебя.

Оставив в качестве прощания смех, Эрнест отключился. Фредерика же недовольно отвернулась.

— …В любом случае, я не смогу вернуться до того, как мы не перегруппируемся с основными силами. А вернусь я лишь тогда, когда ты вернёшься в Союз.

— Кажется, ты не нужна нам более в качестве заложника.

— Ага, похоже на то.

Недовольно произнеся: «Хмпф», Фредерика повернула шею, чтобы взглянуть на него. В кабине было достаточно тесно, а она сидела у него на коленях. Её голова доставала ему лишь до груди.

— Этот глупый мелкий чиновник вмешался в самый неподходящий момент, в результате, всё испортив. Ты уверен, что не должен был ей сказать своего имени? Разве она не была твоим командующим в Республике?

— …Не припомню, чтобы я тебе когда-либо рассказывал про майора.

Но как только Шин это сказал, он тут же всё понял.

«Ох, точно.»

— Забыл что ли о моей способности? Я могу видеть прошлое и настоящее того, кого я знаю.

«…Верно.»

Её красные глаза напоминали котёнка, который загнал в угол мышь, из-за чего Шин подумал, что лучше ему будет не спрашивать о том, что именно она увидела.

— Человек, за которым я пытаюсь наблюдать, что-то вспоминает, пусть даже и подсознательно, и я вижу эти воспоминания. Когда эта девушка назвалась, ты выглядел слишком удивлённо, что явно нехарактерно для тебя. Теперь же я поняла, что именно вас связывает…

«Чёрт, вот отстой.»

— Ты вроде сказал тогда «Мы пошли…»?.. И, конечно же, ты очень рад тому, что она всё же дошла, так? Ты уверен, что это правильно, не назвать ей своего имени, когда она так доблестно следовала по твоим стопам?

Смотря на лукавую улыбку Фредерики, Шин слегка вздохнул. То, как она так легко дразнила его, немного раздражало, но… В то же время, её лицо впервые напоминало девочку её возраста.

— …Пока что я не могу сказать ей об этом.

Не в тот момент, когда он просто искал место, где может умереть, словно не выйдя за пределы восемьдесят шестого сектора.

— Если она говорит, что хочет догнать нас, я просто не могу допустить, чтобы она увидела именно это в конце своей дороги. То, что она увидит, когда догонит нас, не должно быть…

…Сценой, где он стоит на коленях, пытаясь выкарабкаться с осыпающейся земли.

— …не должно быть полем боя.

Фредерика изумлённо взглянула на него.

— Как бы мне так сказать?.. Знаешь, ты действительно парень после этого.

— ?

— Я имею в виду, что ты из тех существ, которые пытаются важничать в довольно сомнительные моменты.

Бросив это раздражённое замечание, Фредерика вновь искоса посмотрела на него.

— Кстати, ты сам-то понял это? То, что ты сейчас сказал, является и твоим ответом.

Глаза Фредерики начали горделиво сверкать из-за того, что он был озадачен её словами.

— В конце пути, по которому следует эта девушка, её должно ждать нечто грандиозное, учитывая затраченные усилия. И путь, по которому она идёт, является путём, который прокладываешь ты сам… Держа это в уме, куда именно он должен привести?

«Ты только что сам нашёл ответ на этот вопрос…»

Алые глаза, так похожие на его собственные, с нежностью смотрели на него.

http://tl.rulate.ru/book/36621/1340396